

АНДРЕЙ ВОРОНИН

ИНСТРУКТОР

ОТЧАЯННЫЙ ВОИН

Инструктор

Андрей Воронин

Инструктор. Отчаянный воин

«ХАРВЕСТ»

2010

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Инструктор. Отчаянный воин / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2010 — (Инструктор)

ISBN 978-985-16-9090-5

Нечто неладное творится в художественных музеях столицы великой некогда страны: пропадают всемирно известные картины, уничтожаются в огне пожара значительные ценности, гибнут люди. Однако, сколько веревочке ни виться, конец все равно будет – по следу преступников уже идут отставной полковник, а ныне инструктор спецназа ГРУ Илларион Забродов и его добровольный помощник – безработный алкоголик и ярый болельщик футбольной команды «Спартак» Иосиф Говорков...

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-16-9090-5

© Воронин А. Н., 2010
© ХАРВЕСТ, 2010

Содержание

Часть первая	6
Глава 1. Заказ	6
Глава 2. Несостоявшаяся сделка	10
Глава 3. Иван открыл глаза	13
Глава 4. Таможня	16
Часть вторая	19
Глава 1. На зарядку всей толпой	19
Глава 2. Дружеский совет	22
Глава 3. Труп в парке	23
Глава 4. Сонная контора	28
Глава 5. Долгожданный звонок	30
Глава 6. Странные намеки	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Воронин
Инструктор. Отчаянный воин

© Харвест, 2010

Часть первая

Глава 1. Заказ

В частной художественной галерее «На Беговой» открылась выставка работ молодых художников. Здесь можно было увидеть картины и авангардистов, и реалистов, и импрессионистов... Словом, посетителям выставки предлагались полотна на любой вкус.

А посетителей в небольшой по размерам галерее собралось немало, и большинство из них имели непосредственное отношение к изобразительному искусству, российской культуре и международному бизнесу.

* * *

Полковника ГРУ в отставке Иллариона Забродова встретил сам владелец художественной галереи «На Беговой» – средних лет высокий худощавый мужчина. Андрей Абрамов был весьма рад приходу старинного приятеля, с которым в последнее время виделся очень редко по причине занятости обоих, но особенно своей, так как организация выставок и на родине, и за границей отнимала много времени.

– Илларион, ну слава богу! – обняв товарища, воскликнул Абрамов. – А то я уж начал думать, что ты не придешь!

Статный седовласый мужчина добродушно улыбнулся, сверкнув ровными и белыми зубами.

– Ну, Андрей, я же обещал, – сказал он. – К тому же я теперь на пенсии, времени у меня вагон, так что охотно повышу свой культурный уровень.

– Ладно, Илларион, – кивнул владелец выставки, – ты пока походи посмотри, а на фуршете мы с тобой более плотно пообщаемся.

– Хорошо, – согласился Забродов и тут же спросил: – А Гуреев, Демакин уже здесь?

– Где-то там... – махнул рукой в дальний конец зала Абрамов.

– Понял, – усмехнулся Забродов.

– Ну, ты не скучай, – сказал приятель, – а мне нужно с министром культуры переговорить, пока он еще в хорошем расположении духа.

– Хозяин – барин! – усмехнулся гость.

– Да ладно тебе подкалывать! – добродушно, но с некоторой долей усталости отмахнулся владелец выставки.

Абрамов направился к лысоголовому министру культуры, а седовласый пенсионер стал с интересом рассматривать выставленные на стенах и стендах картины, среди которых обнаружилась и картина его приятеля художника Гуреева.

– Илларион! – раздался знакомый мужской голос. – Привет!

Забродов повернул голову и увидел невысокого плотного мужчину, который, широко раскинув руки, бежал к нему. Следом за ним, расплываясь в добродушной улыбке, спешил бородатый здоровяк.

– Привет, бродяга! – воскликнул первый – известный живописец Вячеслав Демакин.

– Сколько лет, сколько зим! – добавил второй – не менее известный художник Константин Гуреев.

– Привет, мужики! – весело поздоровался с приятелями полковник ГРУ в отставке.

Трое мужчин и в самом деле виделись довольно редко, но если встречались, то разговор, а вернее, доверительное общение за бутылочкой пива или чего-нибудь покрепче затягивалось допоздна.

– Так вы что, тоже выставились? – с некоторым удивлением спросил Забродов.

Гуреев и Демакин дружно кивнули:

– Как видишь...

Забродов удивленно вскинул брови:

– Так это же вроде бы выставка молодых, а вы, господа живописцы, как я вижу, на мальчиков не выглядите.

Художники, переглянувшись, развели руками.

– В нашей профессии, Константинович, да и вообще в любой другой творческой профессии – будь ты писатель или режиссер, – усмехнулся Демакин, – ты и в семьдесят лет будешь молодым.

– В смысле?

Константин Гуреев поддержал своего товарища.

– Ну, разумеется, – сказал бородач, – если ты не родственник высокопоставленного чиновника или если у тебя нет богатого покровителя.

– Ну, ничего, ребята, – улыбнулся Забродов, – я тоже хоть и на пенсии, но себя не ощущаю старым. Вон даже в инструкторах спецназа у себя в ГРУ подвигаюсь.

Друзья рассмеялись и перевели разговор на другую тему.

– А где Ваня Павловец? – поинтересовался полковник.

– Ваньку в последнее время не доискаться, – сказал бородатый художник, – влез в долги, а теперь хватается за любую халтуру.

Демакин поддакнул товарищу:

– Это точно, весь в мыле и в заботах... Совсем помешался на бабках!

Гуреев недовольно скривился и махнул рукой.

– Да ладно тебе, Слава, тоску наводить, – проворчал он и повернулся к Забродову: – Ты не забыл, что у меня вот-вот грянет день рождения?

– Попробуй я забыть... – улыбнулся Забродов. – Ты же потом этим всю жизнь попрекать меня будешь.

– Разумеется! – фыркнул художник.

– Не переживай, Костяныч, непременно приду, – пообещал седовласый полковник, – и подарок принесу.

– На хрена мне твой подарок, Ларик, – нахмурился художник, – ты ведь сам еще тот подарок!

– Понял, Костя, – сказал Забродов, – завернись в целлофановую обертку или фольгу.

Бородатый здоровяк хмыкнул, а Демакин с Забродовым рассмеялись, чем привлекли к себе недовольные взгляды ценителей прекрасного и высокого...

– Мужики, давайте потише, – слегка смутившись, посоветовал инструктор спецназа ГРУ товарищам, – а то мы как три тополя на Плющихе...

Собеседники Забродова, привыкшие к светским тусовкам, беззаботно махнули рукой.

Любители и ценители прекрасного небольшими группками стояли перед картинами, тихонько их обсуждая, или прохаживались парочками, решая некие, только им известные вопросы. Правда, были и такие, которые больше интересовались не картинами, а посетителями художественной галереи. Высокого бородатого мужчину весьма интересовали двое, спокойно беседовавшие возле одной картины...

– А как ты, Михаил Николаевич, относишься к Гагарину? – поинтересовался коротко стриженный сутулый старик в дорогом голубом костюме у своего собеседника, вытиравшего носовым платком пот с яйцеобразной лысой головы.

– В каком смысле, Сан Саныч? – переспросил старика собеседник.

– В прямом... – усмехнулся старик.

Михаил Николаевич неопределенно дернул плечами и оттопырил толстую нижнюю губу.

– А как прикажешь относиться к первому космонавту? – ответил он вопросом на вопрос. – Молодец, герой – что тут еще можно добавить?..

– Нет, Миша, я не о космонавте Юрии Алексеевиче Гагарине спрашиваю, – улыбнулся старик, – а о Григории Григорьевиче Гагарине, русском художнике... Ты же министр культуры, должен его знать...

– А-а... – протяжно произнес лысый министр культуры. – Это тот, который мастер батальных сцен?

– И не только батальных сцен, – возразил старик, – у него и рисунки интересные есть и другие вещицы, достойные пристального внимания истинных ценителей русской живописи.

– Есть и такое, – согласился с собеседником высокопоставленный чиновник и спросил: – А к чему этот твой вопрос о Гагарине?

Старик, поправив на шее галстук, осторожно огляделся по сторонам.

– Да на Западе, Михаил Николаевич, вдруг к нему вспыхнули любовью некоторые солидные люди, – тихо сообщил он.

Лысый министр удивленно посмотрел на старика, и в его глазах блеснул бесовский огонек.

– А что именно их интересует? – с нескрываемым любопытством спросил он.

– Да есть кое-что... – неопределенно ответил старик. – Давай-ка отойдем в сторонку и перетрем эту тему...

– С удовольствием!

Двое мужчин не спеша перешли к другой картине, потом к третьей и так далее, пока не оказались в самом конце зала. Все это видел высокий бородач, которому ужас как хотелось узнать, о чем беседовали люди, за которыми он наблюдал...

* * *

В небольшой курительной комнате дым стоял коромыслом, однако курильщиков было лишь двое: высокий бородач и широкоплечий парень в спортивном костюме.

– И что интересует Быкова? – поинтересовался бородач у парня.

Тот спокойно ответил:

– Гагарин!

Бородач не сразу понял, о ком идет речь, и переспросил:

– Гагарин?

– Да.

– А при чем здесь космонавт? – недоверчиво спросил бородач? – Ты не перепутал?

– Космонавт тут ни при чем, Геннадий Станиславович, – фыркнул широкоплечий парень, – я говорю о художнике Гагарине Григории Григорьевиче.

– Тыфу ты черт! – слегка смутившись, воскликнул бородач. – Прости, у меня эта фамилия прежде всего с космосом ассоциируется... Так о какой картине идет речь?

– Некоей... – уклончиво ответил парень, не сводя глаз с бородача.

– А именно? – нахмурился Геннадий Станиславович.

– Где бабло? – спокойно ответил вопросом на вопрос информатор.

– Ты что, Эдик, меня разве первый год знаешь? – недовольно пробурчал бородач.

– Не первый, господин Минчинский, – вызывающе ответил молодой человек, – поэтому и спрашиваю: где деньги? Ты же знаешь мой принцип: днем деньги – вечером стулья, вечером деньги – утром стулья, утром деньги – днем...

– Перестань трепаться! – раздраженно воскликнул Минчинский и, выудив из внутреннего кармана светлого пиджака кожаное портмоне, вытащил из него стопку банкнот. – Вот баксы! Так что это за картина и кто ее заказчик?

Парень спокойно взял протянутое и, тщательно пересчитав купюры, изложил высокому бородатому человеку интересующую его информацию. Геннадий Станиславович внимательно выслушал молодого человека и удовлетворенно покачал темноволосой головой. Все складывалось как нельзя лучше для него, и в сознании Геннадия Станиславовича моментально возник план, как провернуть щекотливое дельце, неплохо заработать и оставить с носом конкурентов...

Глава 2. Несостоявшаяся сделка

Прекрасная солнечная погода предлагала всем жителям Балашихи отправиться на природу и насладиться земными радостями. Однако кое у кого из балашихинцев были проблемы, которые прежде следовало решить, чтобы впоследствии познать эти самые радости...

Холеный черноволосый мужчина, сидя на веранде шикарного особняка, листая газеты, курил трубку и иногда посматривал на дорогу, на которой должен был появиться знакомый автомобиль с весьма ценным грузом...

* * *

В просторной комнате находились трое мужчин: владелец особняка – коротко стриженный старик, его иностранный темноволосый гость лет сорока и невысокий молодой широкоплечий мужчина в спортивном костюме.

– Так-так, харашо... – немного коверкая русские слова, удовлетворенно прошептал иностранец, рассматривая картину. – Гагарин – ошень харашо!

Пожилой человек, плохо разбиравшийся в живописи, но хорошо – в финансовых документах и огнестрельном оружии, настороженно посмотрел на иностранца.

– А ты уверен в подлинности картины? – спросил он.

Иностранец слегка повел плечами и, вытянув узкие губы в трубочку, склонил чернявую голову.

– Пошти, – ответил он, – но мы будем делать экспертиза.

Владелец особняка одобрительно кивнул стриженной головой и, сев в плетенное из лозы кресло, взял с журнального столика фужер с коктейлем.

– Можете не сомневаться, господа, – уверенно произнес молодой человек, – это подлинник, прямиком из музея.

Старик, смерив юнца снисходительным взглядом, пренебрежительно усмехнулся.

– Доверим, но и проверим, – жестко пообещал он.

Парень развел руками.

– Неужели вы думаете, что в нашем министерстве сидят несерьезные люди? – вежливо улыбнулся он.

Старик махнул рукой:

– Да знаю я твоего Артиста сто лет! Конечно, он не посмеет играть со мной в прятки, но мы должны быть уверены на сто, нет – на двести процентов, что это Гагарин Григорий Григорьевич, а не какой-нибудь Тюпкин Аристарх Никоимедович.

– Вы заказчик... – спокойно ответил молодой человек.

– Вот именно, мы платим деньги, – вызывающе произнес стриженный старик и, встав из кресла, подошел к иностранцу, который все еще рассматривал картину. – Ну что, Жан?

Иностранец причмокнул узкими влажными губами.

– Да, это похоша на подлинник... – с облегчением и радостью в голосе произнес он.

Старик удовлетворенно кивнул и повернулся к широкоплечему парню.

– Так, скажешь Артисту, что мы берем товар, – сказал он. – Жду его завтра вечером, тогда обсудим все детали и рассчитаемся.

– Хорошо, – произнес парень и, поклонившись, вышел из просторного зала.

Старик подошел к иностранному гостю и, похлопав его по плечу, сказал:

– А ты не верил мне...

Иностранец вскинул брови.

– Шеловек предполагает, а Бог располагает! – невозмутимо изрек он.

Компаньоны рассмеялись, однако их веселье прервал телефонный звонок.

– Момент, – сказал иностранец и, включив сотовый аппарат, поднес его к уху. – У телефона...

– Господин Кюри? – послышался спокойный мужской голос.

– Да, – ответил иностранец. – Кто это?

– Неважно, господин Кюри, – последовал ответ. – Важно, что то, что вы ищете, находится у меня, а у вас, уважаемый, – лишь искусная копия.

Жан Кюри удивленно посмотрел на картину, потом перевел взгляд на сутулого старика:

– О чем вы говорите?

– О том, что если вы хотите получить оригинал, то назначьте встречу.

Иностранец, помявшись пару секунд, осторожно ответил:

– Я не знаю, о чем идет речь, но мне было бы интересно встретиться с вами.

Из трубки донесся едва слышимый язвительный смешок.

– Хорошо, я вам перезвоню, – пообещал неизвестный.

Связь прервалась, и француз, отключив мобильный телефон, опустился на диван. Владелец особняка настороженно взглянул на иностранца:

– Что случилось?

– Это подделка!

Старик удивленно вскинул густые брови, еще более сутулился, а на его суровом лице заиграли желваки.

– Твою мать! – воскликнул он. – Ну, я тебе сейчас устрою, клоун лысый, премьеру в цирке Шапито...

Сан Саныч Быков достал сотовый аппарат из кармана халата и, набрав номер телефона главного лицедея страны, раздраженно поднес его к уху...

* * *

Яйцеголовый мужчина, разговаривая по сотовой связи, ерзал в кресле и прилежно стирал с огромной лысины выступающий пот. Настроение было окончательно испорчено, и, даже более того, в душу закрадывалось беспокойство, смешанное с чувством опасности и страха.

– Ты что, из меня лоха думал сделать?! – орал по мобильному телефону собеседник. – Ты что мне подсунул, мутила?! Вместо оригинала – фальшивку?!

Высокопоставленный чиновник с трудом проглотил накативший комок и, промокнув лысину уже влажным носовым платком, слегка заикаясь, возразил:

– Как «фальшивку»? Не может быть!

– Может!

– Но картина висела в музее, – оправдывался чиновник.

– Значит, Миша, бардак у тебя в музее творится! – сказал воровской авторитет. – Или кто-то обскакал тебя на повороте, дорогой ты мой! Оказался, так сказать, проворнее и оставил в дураках тебя, а заодно и меня!

Чиновник озадаченно нахмурил густые брови и почесал затылок.

– Хорошо, Сан Саныч, я разберусь! – пообещал он.

– Разберись, Миша, непременно разберись и сделай это в ближайшее время, – с угрозой в голосе произнес собеседник. – И помни: не для того мы вкладывали в тебя такие бабки, чтобы ты балерин шупал и варезкой торговал!

Высокопоставленный чиновник вздохнул.

– Обещаю, Сан Саныч, что непременно разберусь, – заверил он, – вот прямо сейчас и начну!

– Разберись, дорогой, иначе я за это возьмусь, – сухо произнес собеседник, – а мне, Миша, не хотелось бы брать грех на душу!

– Я понял, Сан Саныч...

Однако вор в законе уже не слушал собеседника и отключил мобильный телефон. Михаил Николаевич снова сглотнул набежавшую слюну и принялся тереть мокрым платком покрасневшую лысину, все еще недоумевая, как в музее могла оказаться копия вместо оригинала...

– И на кой хрен я согласился сесть в это кресло?! – раздраженно воскликнул министр культуры и резко встал. – Видишь ли, славы и власти захотелось! Ни славы, ни власти, один геморрой да головная боль...

Покусывая полные губы и почесывая огромную лысину, он нервно зашагал по просторному кабинету.

– Сидел бы я в театре, – бормотал мужчина, – играл бы характерные роли, писал бы детские пьески, статьи в журналы, получал бы свои бабки и не дергался в холодном поту по ночам!

Министр вернулся к столу и, усевшись в кожаное кресло, стал соображать, случилось, что из музея вместо оригинала похитили копию картины...

Глава 3. Иван открыл глаза

В Музее искусств народов Востока на Суворовском бульваре, 12а было в это позднее время суетно и хлопотно. Наутро открывалась выставка молодого, но модного художника-абстракциониста, которую организовывало Министерство культуры Российской Федерации...

* * *

Невысокого роста блондин вышел из подвального помещения, где располагалась реставрационная мастерская. Время было позднее, но Иван Павловец, – штатный художник-реставратор, частенько задерживался на рабочем месте. Сегодня он решил пораньше закончить работу и, закрыв мастерскую на ключ, принес его на вахту, где дремал охранник.

– Микола, проснись, – усмехнувшись, громко сказал художник, – сало украли!

Здоровенный усатый парень подскочил и растерянно осмотрелся. Потом провел ногтем по черным усам и, снисходительно посмотрев на усталого весельчака, постучал указательным пальцем себя по лбу.

– Ты шо?! – возмущенно пробурчал он.

– Шо-шо, – передразнил светловолосый мужчина, – спать на посту меньше нужно! Да еще и когда светло на улице.

– Не твое дело, – хриплым со сна голосом ответил хохол. – Ты поразгружай вагоны целый день, тогда я посмотрю на тебя!

Иван усмехнулся и философски заметил:

– Это уж кто на что учился, Микола!

– Не дури голову, Ваня, – сказал хохол, – сдал ключи и топай домой.

Он небрежно махнул рукой и бережно положил свою коротко стриженную голову на скрещенные ладони.

– Ладно, не обижайся, Микола, – добродушно и примирительно сказал художник-реставратор и спросил: – А выставку этого... как его... Аташинго уже оформили?

Хохол поднял голову.

– Почти закончили, – ответил он, – остались мелочи. Думаю, через час все разбегутся по домам.

– Начальство здесь? – поинтересовался художник.

– Директор недавно ушел домой, – сообщил хохол, – а его заместитель где-то здесь бегают.

– Тогда я делаю ноги, – сказал Павловец. – Как говорят, подальше от начальства, поближе к кухне.

– Иногда полезно и показаться на глаза начальству, чтобы оно само тебя не искало, – назидательно заметил охранник.

Павловец нахмурил брови и задумчиво почесал затылок. Потом развернулся, чтобы отправиться к выходу, однако остановился.

– А может быть, Микола, ты и прав, – согласился художник-реставратор, – один раз мелькнешь, а помнят целый день.

– Главное, Ваня, чтобы не проклинали целый день, – усмехнувшись, изрек хохол.

– Типун тебе на язык! – проворчал Павловец и зашагал по ступенькам лестницы, ведущей на второй этаж.

Широкоплечий охранник бросил равнодушный и ленивый взгляд вслед художнику и, еще раз потянувшись, осел в кресле.

* * *

Микола оказался прав: работники музея почти закончили расставлять полотна Аташинго, которого Павловец и за художника-то не считал, хотя не высказывал своего отношения к нему, чтобы не нажить врагов среди начальства.

– Ишь как стараются, – пробурчал реставратор, – видно, устроители выставки немало бабла отвалили.

Павловец прекрасно знал, как из посредственного, а то и дерьмового художника делают «гения» или, в крайнем случае, модного живописца. Он остановился перед одной из картин Аташинго и презрительно сморщился.

– Вот же дерьмо! – прошептал художник-реставратор, качая головой.

Он хотел было уже направиться к выходу из музея, но, оказавшись возле зала русской живописи, решил взглянуть на настоящее, а не пиарное искусство.

– Нужно вдохнуть свежего воздуха, – сказал он себе и, войдя в зал, остановился возле картины Гагарина, висевшей у входа.

Однако, бросив на полотно пристальный взгляд, Павловец в ужасе выпучил глаза: вместо оригинала на стене висела копия, которую написал не кто иной, как он.

– Черт подери! – изумленно присвистнул художник-реставратор. – Что это значит? А где оригинал?

Он постоял еще несколько минут, но, так и не найдя ответа на поставленный вопрос, отправился на вахту. Спустившись по лестнице, Павловец подошел к застекленному отсеку и снял трубку с аппарата.

– Что случилось, Ваня? – удивленно спросил Микола.

Павловец махнул рукой:

– Ничего!

Поспешно набрав номер телефона директора музея Варенцова, он застыл в ожидании. Через несколько секунд в телефонной трубке послышался глуховатый мужской голос:

– Варенцов у телефона.

Павловец, набрав воздуха в легкие, выпалил:

– Вениамин Александрович, это что за чертовщина?!

На связи возникла пауза.

– Это кто?

– Это Иван Павловец!

– Так что случилось? – спросил директор музея.

– Это вы мне скажите, что случилось, Вениамин Александрович... – потребовал Павловец. – Почему вместо полотна Гагарина в нашем музее висит моя копия?

Некоторая заминка тут же прервалась вопросом Варенцова:

– Откуда там твоя копия?

Павловец передернул плечами:

– А я почему знаю?

– Так, Ваня, подожди... – попросил Вениамин Александрович, собираясь с мыслями.

Микола, которому надоело слушать о том, что его совершенно не интересовало, вышел на крыльцо и закурил сигарету. Курил он недолго, но, когда вернулся на рабочее место, разговор между Павловцом и Варенцовым уже подошел к концу.

– Хорошо, Вениамин Александрович, надеюсь, что вы разберетесь, – уже более спокойным тоном произнес Павловец и повесил трубку.

Охранник, кашлянув в кулак, вопросительно посмотрел на художника:

– Так шо случилось, Ваня?

– Шо-шо, – передразнил художник-реставратор охранника, – спать меньше надо!

Хохол удивленно посмотрел на раскрасневшегося художника, а тот, ничего не объясняя, раздраженно махнул рукой и зашагал прочь из музея.

– Вот же Иванушка-дурачок, – незлобиво прошептал здоровяк и, достав из ящика журнал, стал листать его, рассматривая фотографии.

Однако спокойно посмотреть журнал охраннику не удалось. Завидев спускавшегося по лестнице Белявского – заместителя директора музея, Микола спрятал журнал и встал из-за стола.

– Закончили, Анатолий Алексеевич? – улыбнулся он невысокого роста лысоватому мужчине.

– Добили! – сказал Белявский и тут же добавил: – А куда денешься? Завтра столько народу понаедет в первой половине дня... Сам министр культуры обещал быть!

– Это серьезно, Анатолий Алексеевич, – почтительно покачал головой Микола.

– Еще бы, – сказал Белявский и положил на стол ключ от своего кабинета. – Кто-нибудь звонил?

Микола не понял вопроса.

– В смысле, Анатолий Алексеевич? – спросил он.

– Что значит «в смысле»? – переспросил Белявский.

– Ну, сюда звонили или отсюда? – пояснил охранник.

– И сюда и отсюда, – не вникая в суть, нахмурился Анатолий Алексеевич.

– Сюда никто не звонил, – сообщил Микола, – а отсюда звонил Павловец директору...

Белявский покосился на охранника:

– А чего он звонил?

Микола замялся на мгновение, но тут же выложил то, что слышал:

– Он жаловался на какую-то картину, которая висит...

Анатолий Алексеевич посмотрел на охранника и угрожающе сдвинул брови.

– На какую картину?

– Кажется, на картину Гагарина, – ответил охранник, – но точно не помню.

Белявский бросил на подчиненного ему работника музея пренебрежительный взгляд и укоризненно покачал лысоватой головой.

– Микола, Микола... – протяжно и раздраженно сказал он, – почти целый год работаешь в музее, а не знаешь художников, которые выставлены у нас!

Парень виновато развел руками:

– Я ж, я ж... – передразнил украинца заместитель директора.

Однако он не стал распекать охранника, а, перекинувшись с ним еще несколькими пустыми фразами, быстрым шагом направился к выходу из музея...

* * *

Пожилой, но спортивного телосложения мужчина собирался было уже лечь спать, но его планы неожиданно поменялись. Накинув черный махровый халат на голый торс, директор музея сел за письменный стол.

– Черт возьми, эдак можно и в тюрьму угодить! – обеспокоенно произнес он.

Варенцов был сильно встревожен звонком художника-реставратора Ивана Павловца и лихорадочно соображал, что ему предпринять в данной ситуации.

– Это ж надо так по-глупому вляпаться! – заскрежетав зубами, гневно прошептал Варенцов. – Что же делать?!

Однако ничего путного в тот момент в голову Варенцову не пришло, и, он недолго думая, достал сотовый аппарат и набрал номер телефона министра культуры Российской Федерации...

Глава 4. Таможня

Автолюбители и туристы в тот день выбрали не самое удачное время для пересечения белорусско-польской границы на Брестской таможне. Автомашин было не очень много, и поэтому таможенники могли позволить себе добросовестную проверку автомобилей и людей.

* * *

Капитан Макаревич в этот поздний вечер была не в духе. Впрочем, такое ее настроение никогда негативно не сказывалось на ее профессиональных обязанностях.

Макаревич сидела в служебном помещении за столом и просматривала документы. Вошел молодой таможенник.

– Янина Руслановна, – произнес парень, – нужна ваша помощь.

Капитан подняла светловолосую голову:

– В чем?

Таможенник кивнул в сторону окна, где стоял на терминале микроавтобус:

– Московский театр едет на гастроли, а там у него картины. Говорят, что это декорации, а я в изобразительном искусстве не очень-то разбираюсь. Вы ведь, как-никак, в Суриковском училище учились... Может быть, посмотрите на эти декорации, а то вдруг что-нибудь ценное вывозят.

– Не можете вы без меня, Виталий, и шагу ступить, – со вздохом произнесла Макаревич.

– Так куда же от такой красивой женщины денешься, – улыбнулся паренек.

– Ладно, Виталий, вы там подготовьте эти картины-декорации, чтобы я не лазила, как мартышка, по салону автомашины, – сказала Янина Руслановна, – а я через пару минут подойду.

– Слушаюсь!

Виталий вновь улыбнулся и вышел.

– Вот черт! – вздохнула женщина. – Нужно этого красавчика подвязать на поводок, пока я еще совсем не развалилась.

Макаревич отложила бумаги и, достав из сумочки зеркальце, посмотрелась в него. Потом поправила белокурую прядь и, удовлетворенная своим видом, встала из-за стола.

– Ну что, пани Янина, ваш выход, – слегка усмехнувшись, произнесла она, – кавалеры заждались!

Когда женщина подошла к микроавтобусу, где находились картины, стоявшие рядом с машиной мужчины повернулись к ней.

– Девушка, ну что это за волокита! – обиженно воскликнул пожилой толстый водитель. – Театр едет на гастроли, а вы тут из нас контрабандистов творите. Это обычные декорации для интерьера спектакля...

Янина Руслановна смерила толстяка строгим взглядом и сказала:

– Во-первых, гражданин, я вам не девушка, а госпожа капитан... А во-вторых, не волнуйтесь, разберемся.

Водитель микроавтобуса сглотнул слюну, однако придержал язык и, достав сигарету, закурил.

– Разбирайтесь... – только и выдавил он. Янина Руслановна и в самом деле училась в Суриковском художественном училище, но по причине беременности была вынуждена оставить учебу, однако, как говорится, талант не пропьешь, и навыки и знания у способной, но несостоявшейся художницы имелись в достатке.

– Разберемся, – рассматривая полотна, предназначенные для интерьерного сопровождения сцен в спектакле, спокойно повторила Макаревич.

Туристы и водители без особого интереса наблюдали за тем, что происходило возле микроавтобуса, просто убивали время. Однако были две пары внимательных глаз, хозяева которых были весьма заинтересованы в положительном разрешении спорного вопроса.

– Чего она прицепилась к нему? – дымя сигаретой, спросил плотный рыжеволосый мужчина у своего узкоглазого и смуглолицего товарища.

Смуглолицый вышел из салона черного джипа и недовольно поморщился.

– Работа у нее такая, – сказал он, не отводя пристального взгляда от микроавтобуса.

Рыжеволосый бугай осклабился.

– Видно, никто не топчет эту курочку, – мечтательно вздохнул он, – вот и зверствует баба на работе!

– Сейчас я посмотрю, как ты будешь себя вести на работе, – произнес узкоглазый. – Приготовься-ка на всякий случай!

Рыжеволосый по тону товарища понял, что дело пошло не столь гладко, как ожидалось, и, смахнув с лица ухмылку, стал наблюдать за таможенниками и нервным водителем.

– Виталик, подай-ка мне этот сверток, – заметив нечто, небрежно завернутое в тряпку, попросила капитан таможенника.

Молодой человек подал требуемое:

– Держите...

Женщина развернула полотно и, протяжно вздохнув, кивнула:

– Гагарин!

– Что? – переспросил молодой человек.

– Я говорю, что это работа художника Гагарина, – пояснила капитан.

У таможенника округлились и загорелись хищным огоньком глаза.

– Подлинник?

– Ну откуда, Виталик, тут будет оригинал мастера, – усмехнулась симпатичная таможенница, – подделка, а иными словами копия.

Капитан Макаревич скрутила полотно в трубочку, и вдруг ее нежные пальчики дернулись. Текстура холста обратной стороны картины не очень-то походила на новую, и это насторожило бывшую студентку Суриковского училища.

– Странно...

Янина Руслановна снова развернула полотно и внимательно посмотрела на изображение, однако ей не хватало света, и капитан сказала коллеге:

– Виталик, я думаю, что этот холст нужно отправить на экспертизу...

Парень улыбнулся:

– Так я был прав?

– Не знаю, – ответила капитан Макаревич, – здесь тусклый свет. Я заскочу на минуту в помещение, получше рассмотрю и позвоню командиру.

Виталий мотнул головой:

– Хорошо.

– А ты присмотри за этим водителем, – кивнула в сторону толстяка женщина.

– Понял.

Янина Руслановна улыбнулась молодому человеку и направилась к пункту, слегка покачивая крутыми бедрами.

– Да... – проводив взглядом аппетитную фигуру Янины Руслановны, тихо прошептал симпатичный молодой человек. – Вот это женщина!

– Служивый, вызывай «скорую помощь», человеку плохо! – раздался вдруг глухой бас рыжеволосого мужчины.

Виталий обернулся и увидел, как толстый водитель, схватившись рукой за сердце, жадно хватает прохладный ночной воздух пухлыми губами.

– Да че ты стоишь, командир?! – повысил голос узкоглазый. – Действуй! Ты что, не видишь – человек умирает!

Таможенник молча тряхнул головой и побежал к таможенному пункту...

* * *

Янина Руслановна, войдя в служебное помещение, развернула холст и пристально вгляделась в картину.

– Странно... – задумчиво прошептала миловидная таможенница. – На безделицу непохоже...

Макаревич потеряла уголок холста, потом подковырнула ногтем кусочек краски с краю, но так и не пришла ни к какому определенному заключению.

– Тут, голубушка, на глаз не определишь, – сказала она себе, – пусть эксперты голову ломают! Как говорится, лучше ошибиться, чем проморгать шедевр.

Янина Руслановна сняла трубку с телефонного аппарата, чтобы позвонить начальнику, однако не успела этого сделать. Дверь отворилась, и в помещение влетел бледный Виталий:

– Товарищ капитан, там водитель...

Макаревич удивленно посмотрела на побелевшего таможенника.

– Что «водитель»? – недоуменно переспросила она.

– Умер! – воскликнул молодой человек и тут же добавил: – Кажется...

Блондинка сдвинула брови:

– Так умер или кажется?

Виталий неуверенно пожал крепкими плечами:

– Не знаю...

Капитан Макаревич раздраженно махнула рукой и, надев пилотку на голову, скомандовала:

– Идем!

Таможенники быстро вышли на улицу и увидели бездыханное тело толстого водителя, возле которого постепенно скапливались люди. Однако узкоглазого азиата и рыжеволосого бугая рядом не было видно. В ночной тиши исчез и черный джип...

Часть вторая

Глава 1. На зарядку всей толпой

Весеннее солнце неторопливо просыпалось на востоке. Узкая и длинная полоска света медленно, но неукоснительно ширилась и разрасталась на горизонте, все ярче освещая просыпающийся мегаполис. Город, как и небесное светило, жил по определенным законам. Сбрасывая ночную прохладу, темноту и оцепенение, златоглавая столица наполнялась шумом, людской суетой и нарастающим движением автотранспорта. Гасли городские фонари, потухали ночные рекламные щиты и витрины. Зато на смену искусственному освещению пришло естественное, отчего на душе у столичных горожан и приезжих гостей становилось веселее и теплее...

Предстоящий день обещал быть по-настоящему теплым и светлым. Легкий северный ветерок, покачивая верхушки зеленых деревьев, пытался освежить воздух, но с каждой минутой силы его иссякали, уступая поле боя напористым солнечным лучам.

На столичных магистралях и широких проспектах города к легковым автомобилям частников прибавился общественный пассажирский транспорт: троллейбусы, автобусы и трамваи. Горожане кто группами, кто поодиночке выходили из подъездов своих домов и, слегка поеживаясь от утренней прохлады, спешили по своим делам...

* * *

Седовласый мужчина крепкого телосложения, сладко потянувшись в теплой постели, неспешно приоткрыл слипшиеся ото сна веки, шумно выдохнул из легких воздух, вздохнул полной грудью и резко встал с кровати. Подойдя к раскрытому окну, он посмотрел на занимавшийся рассвет и с удовольствием отметил, что сегодня будет прекрасный весенний денек.

– Лепота! – тихо прошептал Илларион Константинович, еще раз с удовольствием потянулся и стал одеваться.

Через несколько минут отставной полковник ГРУ уже был готов к утренней зарядке, которую обычно делал в ближайшем сквере. Положив ключи, мобильник и пачку сигарет с зажигалкой в карман футболки, седовласый пенсионер вышел из квартиры и, захлопнув дверь, зашагал по ступенькам лестницы. Не прошло и минуты, как Забродов толкнул входную дверь подъезда и оказался на улице. В лицо повеяло прохладным ветерком, и пенсионер с наслаждением вдохнул свежий воздух.

– Весна, весна, товарищ пенсионер, – вдруг раздался над самым его ухом громкий и хриплый голос, – а с утречка холодок пощипать любит, зараза!

От неожиданности Забродов резко дернулся и повернулся. Скрипучий хриплый голос принадлежал соседу полковника – Говоркову Иосифу Петровичу, законченному алкоголику и фанату футбольного клуба «Спартак». Его огромная кудлатая голова вместе с худыми костлявыми плечами только что высунулась из форточки окна на первом этаже и теперь монотонно покачивалась в воздухе.

– Тыфу ты черт! – недовольно сплюнул Забродов. – Что за манера так орать Говорков?!

Заспанно-помятое лицо алкоголика растянулось в глуповатой улыбке.

– Виноват, Илларион Константинович, – извинился Говорков, – не рассчитал...

– Ты, Петрович, хоть иногда спишь!? – поинтересовался у соседа полковник.

Раскрасневшееся лицо спартаковского болельщика насунилось. Красные рыбы глазки тускло блеснули, и Говорков печально вздохнул.

– Иногда сплю, – ответил он, – да и то скорее дремлю... Смысл жизни испарился куда-то, Илларион Константинович, как запах первых весенних цветов.

Покачав головой, Забродов пробурчал:

– Сам виноват! Пить меньше надо, дорогой сосед! Все ведь зависит от тебя, Иосиф Петрович! Ты же хозяин своей жизни! Возьми себя в руки и начни новую жизнь!

Говорков тряхнул кудлатой головой.

– Да разве это жизнь, Константинович?! – горячо воскликнул он. – Одна рутина... Вот раньше было – это да! Помнишь, как мы с тобой злыдней ловили?

При воспоминаниях о лихой и опасной жизни у старого алкоголика просветлились рыбы глазки и на сморщенном лице мечтательно расплылась широкая улыбка, которая оголила кривые и пожелтевшие от табачного дыма зубы. У инструктора спецназа ГРУ также всплыли некоторые эпизоды из прошлой жизни, однако они не доставили такого удовольствия отставному полковнику, как его собеседнику.

– Было – да сплыло! – нетерпеливо бросил седовласый пенсионер, который уже и сам был не рад, что ввязался в разговор, теряя попусту время на глупую болтовню.

Константинович... – печально произнес несчастный и одинокий человек. – Ты понимаешь меня? Может быть, раскрутим еще какое-нибудь дельце? У тебя, случайно, на примете ничего такого нет?

– Я тебе что, частное сыскное бюро? – раздраженно ответил Забродов. – Я, Петрович, – пенсионер и разной ерундой не собираюсь заниматься! Понял?

– Я понимаю, Константинович, бы оправдываясь, произнес сосед, – это я так, к слову... Понимаешь?

Забродов недовольно мотнул головой.

– Не понимаю, Петрович! – резко возразил он. – И вообще, лучше бы ты делом занялся и не отвлекал, Пинкертон чертов, попусту людей своей глупой болтовней от дела!

– А может быть, Илларион, ты и прав! – вдруг воскликнул сосед. – Нужно начинать новую жизнь!

– Правильно! – приободрил собеседника Забродов. – Начинай, Петрович, не откладывая! Иначе снова погрузишься в бездну своих пессимистических фантазий и пропадешь ни за грош!

– Не пропаду, Илларион Константинович! – заверил полковника спартаковский болельщик и поинтересовался: – Ты сейчас на пробежку в парк?

Забродов кивнул:

– Да.

– Так я с тобой, Константинович, – «обрадовал» пенсионера новоиспеченный физкультурник, – чего тянуть! Правильно?

Илларион Константинович был уже и сам не рад, что подвиг своего непутевого соседа на сей подвиг, однако отступать было поздно, и он только протяжно вздохнул.

– Правильно, – недовольно согласился он. – Только времени у меня ожидать тебя нет! И так я с тобой тут задержался...

– А ждать и не нужно, товарищ полковник, – ответил Говорков, – я уже почти готов! Сей момент, Константинович!

Пенсионер хотел было сказать пару ласковых слов настырному собеседнику, однако тот уже скрылся в глубине квартиры, и Забродову ничего не оставалось делать, как его дожидаться.

– Твою мать! – выругался вполголоса инструктор спецназа ГРУ. – И зачем я ввязался в разговор с этим непутевым дуралеем?

Однако слово не воробей: вылетит – не поймаешь. Оглядевшись по сторонам, Илларион Константинович заметил дворника Ахмета, который трудолюбиво шаркал метлой по тротуару.

– Доброе утро, Илларион Константинович! – вежливо поздоровался пожилой татарин. – Опять на пробежку?

«Еще один прицепился!» – раздраженно подумал Забродов, однако вежливо улыбнулся и кивнул дворнику.

– Здравствуй, Ахмет! – произнес он. – У каждого свои привычки и обязанности, уважаемый: тебе мести, а мне на пенсии пыль и ветер гонять.

– Да, каждому свое... – философски изрек пожилой человек и, уткнувшись глазами в тротуар, еще энергичнее замахал своим орудием труда.

Забродов не стал вдаваться в обсуждение данного вопроса, а, бросив взгляд на дверь своего подъезда, решительно махнул рукой и попросил бородатого дворника:

– Ахмет, когда появится Петрович, скажи ему, что я побежал в сквер! Пусть догоняет!

– Скажу! – пообещал пожилой человек, продолжая работать метлой.

Однако Ахмету не пришлось исполнять просьбу седовласого мужчины. Не успел Забродов тронуться с места, как из подъезда выскочил футбольный болельщик.

– Константинович, – «обрадовал» он своего компаньона. – Я здесь! – и, повернувшись к татарину, громко заявил: – Ахмет, свободен!

Увидев своего сподвижника по здоровому образу жизни, Забродов оторопел... Тотский маленький мужичок с огромной нечесаной головой был одет чудаковато, если не сказать более! Короткое и сильно растянутое трико болталось на худых ногах, странно трепыхалась на плечах светлая грязная майка с эмблемой футбольного клуба «Спартак», а на ногах красовались обутые на босу ногу растоптанные штиблеты на пару размеров больше нужного размера.

– Ну, чего стоим, Константинович? – недоуменно поинтересовался Говорков. – Солнце, считай, уже встало, а мы топчемся на одном месте!

Инструктор спецназа ГРУ молча тряхнул седой головой, мысленно проклиная свой альтруизм, и, неуклюже повернувшись, побежал мелкой рысцой к арочному проходу в конце двора, который вел через дорогу в небольшой зеленый парк...

Глава 2. Дружеский совет

Тревожный звонок прозвучал в полночь. Заспанный мужчина с трудом поднялся с постели и, взяв со стола мобильный телефон, включил его.

– Да...

– Спишь?

Мужчина не понял, с кем разговаривает, и помотал головой, чтобы поскорее сбросить оцепенение.

– Кто это?

– Тот, кто тебя кормит и прикрывает твою задницу, – последовал жесткий ответ.

Мужчина тут же узнал строгий голос своего патрона.

– Нет, не сплю... – солгал он.

– Ладно, тогда слушай и делай выводы, – сказал собеседник. – Директор слишком много знает. Ты понял, о чем я?

Мужчина кивнул:

– Да.

– Тогда действуй! – приказал патрон.

Мужчина озадаченно почесал взъерошенную голову.

– А когда? – спросил он.

– Сейчас! – воскликнул собеседник. – Он не должен встретиться с Артистом. Или утром забудь о моем существовании!

Мужчина вытянулся:

– Есть, товарищ...

Однако большего он не успел сказать: на телефонной связи уже назойливо звучали короткие гудки. Мужчина отключил телефон и крепко задумался.

– Допрыгались, твою мать! – воскликнул он, достал из пачки сигарету и нервно закурил, глубоко затягиваясь горьким дымом.

Однако, привыкший незамедлительно выполнять приказы, мужчина тут же затушил сигарету и набрал хорошо известный ему номер телефона...

Глава 3. Труп в парке

Двое любителей здорового образа жизни, бросив по сторонам взгляды, чтобы не попасть под колеса внезапно выскочившего автомобиля, пересекли проезжую часть и оказались у входа в небольшой, но уютный, утопающий в весенней молодой зелени парк. Как только они оказались в парке, инструктор ускорил шаг. Темп, заданный отставным полковником ГРУ, был, увы, не под силу прокуренным легким футбольного фаната «Спартак»

– Илларион Константинович, дорогой ты мой, – шаркая по асфальту огромными штиблетами, жалобно произнес спартаковец, – не гони ты так, а то у меня сейчас выскочит сердце наружу!

Забродов, не снижая взятого темпа, небрежно бросил через плечо:

– Не выскочит!

– Выскочит, Константинович, ей-богу выскочит! – взмолился алкоголик.

– Догоняй, Петрович, у меня нет времени на посиделки! – сурово крикнул пенсионер. –

А ты, если устал, отдохни на скамейке в парке.

Полковник ГРУ в отставке резко вскинул руку и небрежно махнул ею, словно прощаясь с Говорковым. Неуклюже разминувшись на входе с двумя крепкими мужчинами, Забродов с быстрого шага перешел на бег.

«Ну и козлы, – скрежетнув зубами, подумал инструктор спецназа ГРУ, – ходят тут разные, хари наглые, сытые и посторониться им лень!»

– Константинович! – выдавил из себя Иосиф Говорков вслед седовласому пенсионеру, однако его слабый призыв повис в воздухе и по назначению не дошел.

Спартакровский фанат недовольно покачал кудлатой головой и, сердито пробурчав себе под нос нелестные отзывы в адрес Забродова и жизни в целом, повернулся и скользнул взглядом по двум крепким мужичкам, которые шли к черному джипу.

– Парни, прошу прощения, – виноватым тоном произнес он, – у вас, случайно, закурить не найдется?

Парни на мгновение задержались. Один из них, что был поменьше ростом, – узкоглазый и смуглый – промолчал. Зато его товарищ – высокий рыжеволосый богатырь с пухлыми губами, ехидно и пренебрежительно усмехнулся и, сочно сплюнув на тротуар, назидательно заметил:

– Не курим, дед, и тебе курить не советуем!

Дав дельный совет, крепкие парни сели в салон «внедорожника». Азиат нажал на газ, и черный джип с визгом рванул с места. Иосиф Петрович тихо пробурчал ему вслед:

– Не учи жить, говнюк, а помоги материально!

Эту фразу рыжеволосый верзила, разумеется, не услышал, и спартаковец раздраженно, подражая своему недавнему собеседнику, сплюнул, вернее сказать, попытался сплюнуть наземь, но чего-то не рассчитал и попал слюной на свою не первой свежести спортивную футболку.

– Тьфу, твою мать! Этого еще не хватало... – громко выругался Говорков и, вытерев рукавом слюну, вошел в парк. – Коль не везет, дружище, значит, это надолго!

Он осмотрелся по сторонам, желая убедиться в том, что его промах остался незамеченным и, увидев, что в парке никого нет, кроме нескольких бегунов, облегченно вздохнул.

– Хорошо, что Забродов не видел, – усмехнулся Говорков, – не то бы он, подлец, целый месяц вспоминал и подкалывал меня при каждом удобном случае! Кстати, – недоуменно почесал он пятерней кудлатый затылок, – а где же Илларион Константинович?

Шустрого седовласого пенсионера и в самом деле не было видно среди густой молодой зелени: по-видимому, он побежал в дальний угол парка, где находилась спортивная площадка с физкультурными снарядами.

– Вот черт! – вздохнул Говорков. – И чего я поперся в этот дурацкий парк. Сидел бы сейчас, болван, дома, допил бы портвейн, затянулся дымом сигаретки...

Костлявый мужичок мысленно представил себе эту картину, и его охватила такая тоска, что он чуть было не завыл. Но более всего ему в этот момент захотелось выкурить ядреную сигарету.

Осмотревшись по сторонам в надежде увидеть курящего человека, Говорков не увидел не только такового, но и вообще никого. Страдалец бросил нетерпеливый взгляд под ноги, надеясь найти окурочек.

– Свинство! – простонал Петрович, хлопнув себя по сухой ляжке. – Даже бычков сраных и то нет!

Пройдя по аллее внутрь парка, он заметил среди зарослей кустарников скамейку, на которой отдыхал физкультурник.

– Наконец-то человеческим духом запахло! – радостно воскликнул Петрович и быстрым шагом направился в сторону сидевшего на скамейке мужчины в спортивном костюме «Адидас» синего цвета. – Может быть, у него разжигуся табачком?

Иосиф Петрович подошел к неподвижно сидящему физкультурнику и весело произнес:

– Привет спортсменам!

Однако на радостное и громкое приветствие мужчина не только не откликнулся, но даже и не повернулся в сторону Говоркова, чем несказанно его расстроил.

– Ты че, друг, глухой? – подсев на скамейку к физкультурнику, недовольно проворчал Иосиф Петрович. – Или переработался на спортивной ниве? Закурить не найдется?

Но все старания спартаковца были напрасными: физкультурник не хотел вступать в разговор с настырным незнакомцем, и это сильно возмутило Говоркова.

– Браток, это невежливо с твоей стороны не отвечать, когда к тебе обращаются культурные люди, – недовольно хмыкнул Иосиф Петрович и панибратски хлопнул молчаливого собеседника по плечу. – Просыпайся, олимпийский чемпион!

Молчаливый мужчина от несильного удара покачнулся, повалился на бок и неподвижно застыл в нелепой позе.

– Эй, мужик... – после некоторого молчания с трудом выдавил из себя Говорков, – ты чего это тут разлегся?

Физкультурник молчал.

– Ты че, дружище, помер? – болезненно улыбнувшись и стараясь перевести все в шутку, растерянно произнес Иосиф Петрович. – Ну, хватит придуливаться, браток, давай вставай, труба зовет...

Физкультурник все так же молчал.

– Батюшки, да он же мертвый! – наконец осознал Иосиф Петрович и подскочил, словно ужаленный. – Мертвый, а я тут расселся. Нужно что-то предпринять! А то еще все свалят на меня!

* * *

Седовласый пенсионер спокойно и сосредоточенно занимался упражнениями на спортплощадке. Прodelав классические ката, инструктор спецназа ГРУ прокрутил несколько раз «солнышко» на перекладине, потом подкачал пресс на брусьях и, соскочив со спортивного снаряда, прошелся рядом с ним, поднимая руки вверх и с шумным выдохом их опуская.

– Фу! – после нескольких нехитрых восстановительных упражнений выдохнул отставной полковник ГРУ. – Я взял темп, не совсем подходящий для пенсионера. Побереги себя, Илларион Константинович, не то ласты склеишь!

Еще несколько раз глубоко вдохнув и шумно выдохнув воздух из крепкой грудной клетки, он решил, что на сегодня для него достаточно физической нагрузки, и, оставив за собой спортплощадку, побежал по аллее. Однако не успел полковник пробежать и десяти метров, как до него донесся знакомый сиплый голос.

– Константинович! – кричал Говорков. – Константиныч, погоди!

Забродов остановился и повернулся к стремительно приближавшемуся к нему соседу.

– Да, – удивленно усмехнулся седовласый пенсионер. – И какая муха укусила моего напарника? Никак в кустах нашел дармовую пол-литровую бутылку водки.

– Константинович... – прохрипел Говорков. – Там такое... Я присел на лавочку, хотел закурить, а он ничего не отвечает! Я и так и сяк, а он молчит...

– Стой, Петрович, не суетись! – перебил Говоркова полковник. – Что там у тебя случилось?

– Как это «что случилось»? – ответил вопросом на вопрос спартаковец. – Не дышит!!!

Забродов тяжело вздохнул:

– Кто?

– А я что, знаю его? – невразумительно ответил Говорков. – Но на вид мужик самостоятельный, я бы сказал даже положительный!

– Так, Петрович, – повысил голос пенсионер, – или закрой рот, или объясни все с толком и расстановкой! Ты меня понял, уважаемый сосед!?

Говорков тряхнул кудлатой головой:

– Понял!

Забродов облегченно вздохнул:

– Я слушаю...

Спартаковский фанат тяжело и протяжно засопел, вытирая рукавом футболки большой красный нос, и вдруг обратился с просьбой:

– Илларион Константинович, дай закурить!

Инструктор спецназа ГРУ достал из пачки сигарету и протянул ее Говоркову. Потом чиркнул зажигалкой и, после того как спартаковский фанат с наслаждением выдохнул густую тяжелую струю табачного дыма, сказал:

– Я жду, Петрович...

– На скамейке труп мужчины! – медленно и членораздельно произнес Говорков.

Илларион удивленно вскинул брови:

– Труп?

– Он самый, – подтвердил худосочный искатель приключений, – и, как мне кажется, Илларион Константинович, еще совсем тепленький.

– Тепленький? – недоверчиво переспросил седовласый мужчина.

– Да!

– Не врешь, друг ситцевый? – на всякий случай поинтересовался пенсионер.

– Век воли не видать, полковник! – заверил Говорков своего собеседника и демонстративно подковырнул грязным ногтем желтый верхний зуб.

Инструктора спецназа ГРУ всегда бесили эковские выходки и замашки неказистого соседа. Забродов недовольно поморщился и скептически покачал седовласой головой.

– Хорошо, Петрович, поверим! – произнес он. – Но и проверим!

– Проверяй, Константиныч! – с обидой в голосе воскликнул болельщик «Спартака» и махнул рукой в другой конец парка. – Он там!

– Ладно, Петрович, не кипятись, – примирительно пробасил полковник ГРУ в отставке и, потрепав соседа по костлявому узкому плечу, снисходительно добавил: – Пойдем, дорогой Шерлок Холмс, посмотрим на твоего товарища!

– Константиныч, он мне не товарищ! – угрюмо возразил спартаковец. – Я его сегодня впервые увидел!

– Понял, Петрович, понял! Ты, главное, не волнуйся, разберемся, дорогой!

– А чего мне волноваться?

– И я о том...

Щуплый мужичок, едва поспевая за седовласым пенсионером, решил посвятить Забродова в некоторые нюансы и детали, при которых им на скамейке был обнаружен труп мужчины.

– Я хотел попросить закурить, – сообщил Говорков, – а он молчит...

Отставной офицер военной разведки молча слушал спутника и только изредка покачивал головой. Если сказать откровенно, то и слушал Забродов Говоркова не очень-то внимательно: у него и без того была уйма проблем, которые необходимо было решить сегодня...

* * *

Иосиф Говорков не обманул: на скамейке и в самом деле лежал пожилой человек в спортивном костюме. Илларион Константинович моментально определил по синеватому оттенку на лице, что человек, скорее всего, умер от кислородной недостаточности или остановки сердца.

– Да, Иосиф Петрович, ты не ошибся, – мрачно произнес инструктор спецназа ГРУ, – этому физкультурнику спорт уже не поможет.

Говорков усмехнулся:

– Я никогда ошибок не делаю!

Забродов на всякий случай приложил указательный и средний пальцы к сонной артерии, нащупывая пульс, но, как он и предполагал, тело было бранным. Однако оно было еще теплым, что говорило о недавней кончине несчастного. Бывший военный разведчик вдруг поймал себя на мысли о том, что лицо покойника ему знакомо, что когда-то он видел этот небольшой шрам на подбородке: возможно, встречал этого человека в парке на утренней пробежке, а может быть, и где-то в другом месте.

– И ты прав, Иосиф Петрович, – подытожил седовласый инструктор спецназа ГРУ, – смерть наступила недавно.

– Вот и я о том же, Константинович... – чуть понизив голос, произнес Говорков. – Дело тут нечистое, гадом буду, не сойти мне с этого места!

– Ну, кто ты есть и кем ты будешь, – философски заметил Забродов, доставая из кармана спортивного костюма мобильный телефон, – это ты, многоуважаемый Иосиф Петрович Говорков, ментам сейчас расскажешь!

– Ты на че намекаешь, Константиныч? – слегка заикаясь, спросил Говорков.

– Ну, ты, Иосиф Петрович, я вижу, не похмелился с утра, – грустно усмехнулся отставной полковник, – мы же с тобой законопослушные граждане Российской Федерации, не так ли?

– Так, Константинович, – неохотно согласился Иосиф Петрович.

Забродов не спеша достал из кармана куртки пачку сигарет и, угостив сигаретой Говоркова, дал ему прикурить, а потом прикурил сигарету сам.

– А раз так, чтобы тебя не заподозрили в причастности к этой смерти, – пояснил отставной полковник, выдохнув клуб табачного дыма, – нужно сообщить в правоохранительные органы о случайной находке и дополнить картину своими, только тебе известными красками, Петрович. Понял?

– Понял, – вздохнул сосед. – Только, может, давай это дело раскрутим сами, Константиныч. Ты же видел этих двух бугаев, я почти уверен, что это безобразие – дело их рук.

– Раскручивать такие дела, дорогой Пинкертон-самоучка, должны профессионалы, – назидательным тоном произнес полковник, – а не пенсионер с футбольным фанатом – это раз!

Второе – это еще неизвестно, присутствует ли здесь состав преступления, – попыхивая сигаретой, продолжал Забродов, – или этот мужик сам дал дубу!

Илларион Константинович махнул рукой в сторону пышного зеленого куста, под которым валялся одноразовый шприц.

– Видишь шприц, Петрович? – поинтересовался седовласый полковник у Говоркова.

– Вижу... Ну и что?

– А то, Шерлок ты наш... э-э... Холмс, что смерть этого несчастного человека могла наступить от передозировки наркотиков.

– Так он вроде на наркомана не очень-то похож, – попытался возразить Говорков.

– Вот в этом «вроде», Петрович, пусть разберутся профессионалы, – безапелляционно заявил инструктор спецназа ГРУ. – А в-третьих, дорогой сосед, я хоть и на пенсии, но у меня дел непочатый край! А все эти игрушки в пиф-паф мне надоели за время службы в своей конторе! Понял?

Говорков грустно вздохнул.

– Понял, Константинович... – обреченно прогундосил он. – Я понимаю, но я подумал, что, может быть, мы с тобой тряхнем стариной...

– Никаких «но», дорогой товарищ Говорков, я на пенсии! – заявил отставной полковник ГРУ и набрал номер местного отделения милиции.

Фанату московского «Спартака» ничего не оставалось делать, как покориться судьбе, и он, почесав затылок, присел на скамейку, на которой все так же неподвижно лежал мертвец...

Глава 4. Сонная контора

В местном отделении милиции в этот ранний час, как всегда, царило затишье, когда его сотрудники могли отдохнуть и расслабиться. Обычно все криминальные инциденты и разборки случались днем и вечером, реже утром. Но бывают ведь исключения...

Дежурство смены капитана Барашко через несколько часов заканчивалось, и стражи порядка приводили себя в порядок: кто-то умывался, кто-то строчил отчет о прошедшем дежурстве, а старшина Чернов, как всегда, заваривал крепкий чай, чтобы помочь друзьям взбодриться.

– Александр Сергеевич, – обратился пожилой старшина к капитану Барашко, корпевшему над бумагами, – тебе как всегда?

– Да, Матвеевич, – устало ответил Александр Сергеевич, – только без сахара.

– Что так? – удивленно посмотрел на командира старшина.

Начальник ничего не ответил, зато рыжеволосый старший лейтенант Сафронов, лениво перелистывая пухлую газету, не упустил случая вставить язвительное словцо:

– Он, Матвеевич, бережет задницу.

– В смысле? – переспросил старшина.

– В смысле, Адам Матвеевич, – пояснил старший лейтенант, – что капитан не хочет, чтобы у него слиплась задница от сладкого. Ведь она и без того уже прилипла к креслу!

– Ты, Артур, когда-нибудь нарвешься на неприятности, – не поднимая головы, пообещал младшему коллеге начальник.

– Не сердчай, Александр Сергеевич, такова судьба всех начальников, – ухмыльнулся старший лейтенант, – и меня геморрой ожидает в будущем.

– Ты сначала дослужись до моих звездочек, Сафронов, – потягиваясь и разминая замлевшие мышцы, недовольно посоветовал коллеге Александр Сергеевич, – а там уже и о генеральских погонах подумаешь.

Сафронов хотел было нечто возразить сослуживцу, однако тут затрезвонил телефон и Александр Сергеевич снял трубку с аппарата.

– Районное отделение милиции, – сухим и строгим голосом произнес он.

– Доброе утро! – поздоровался звонивший.

– Доброе... – все так же сухо ответил Александр Сергеевич и, не удержавшись, добавил: – Хотя, судя по вашему столь раннему звонку, могу предположить, что оно сегодня не столь уж и доброе.

– Совершенно верно, – согласился с собеседником звонивший, – для кого-то оно сегодня и в самом деле не доброе, а даже совсем наоборот!

– Что случилось?

– В сквере вы найдете труп пожилого мужчины, – сообщил стражу порядка мужской голос. – Это недалеко от вашего участка, прямо через дорогу.

– Труп?

– Да.

– Убийство? – спросил Александр Сергеевич.

В трубке у капитана раздались короткие гудки, и Барашко вернул трубку на прежнее место. Потом достал из стола пачку папирос и закурил.

– Что-то случилось? – поинтересовался Матвеевич у начальника.

– Наверное, Всемирный потоп, – предположил старший лейтенант Сафронов.

– Вот именно, Артур, потоп, не Всемирный, но местного значения, – сказал командир. – Обнаружен труп в парке! Так что собирайся, Сафронов, и разберись с ним по полной программе.

– Александр Сергеевич, так мы же через полчаса сменяемся, – недовольно сказал Сафронов, – вот пусть новая смена и разбирается с трупом.

– Пока смена придет, – язвительно заметил Александр Сергеевич, – вонь от трупа по всему участку разнесется. Ты хочешь, чтобы весь район встал на уши?

– Нет...

– Тогда руки в ноги и вперед! – приказал Александр Сергеевич.

– Есть!

* * *

Солнце уже встало над горизонтом. Город проснулся: на улицах засуетились люди, а на дорогах с каждой минутой сгущались потоки автомобилей. Коммерческие магазинчики открывали двери для ранних посетителей...

В парке также возникло некоторое оживление.

– И где эти чертовы менты?! – недовольно проворчал седовласый мужчина. – Шляются бывало целыми кучами по парку, а как доходит до дела, так их не видно!

– И в самом деле, Константинович, – вторил соседу щуплый мужичок. – Солдат спит – служба идет! Ты бы, Константинович, позвонил бы им еще разок, чтобы поторопились, а то у меня нет времени тут прохлаждаться.

– Похмелиться не терпится, Петрович? – предположил Илларион Константинович.

– При чем здесь похмелиться, Илларион?! Я, может быть, о деле пекусь! Так сказать, о том, чтобы восторжествовали добро и справедливость!

– Ну, Петрович, если речь идет о торжестве добра и справедливости, – ухмыльнулся пенсионер, – тогда, уважаемый борец за правду, тебе не составит труда немного подождать и потерпеть!

– Разумеется, товарищ полковник! – с вызовом ответил Говорков. – Чтобы искоренить всю мерзость из нашей повседневной жизни! Надоело все это безобразие, ей-богу!

Седовласый мужчина смерил взглядом соседа и покачал головой:

– Да, ты знаешь, это и мне надоело!

– И не говори, напарник, – вздохнул спартаковец.

– Так, Петрович, остаешься за старшего! – заявил полковник.

– То есть? – опешил Говорков.

– Мне должны сейчас звонить по межгороду, и я не могу пропустить этот звонок, – пояснил Забродов, – так что я побегу, а ты им расскажешь, что и как тут произошло. Главное, Иосиф Петрович, не волнуйся и держи хвост пистолетом!

– Да как же я без тебя, Илларион Константинович? – взмолился несчастный свидетель. – Может быть, обождешь еще немного, а потом и почапаем вместе домой.

Забродов покачал головой.

– Не могу, дорогой! – вздохнул он.

– У меня, Константинович, дома в заглазнике и выпить и закусить найдется чего, – с надеждой в голосе сообщил хроник, – посидим, поговорим за жизнь.

– Поговорим, но позже, – сказал отставной полковник. – Вот тебе пара сигарет; так сказать; вместо успокоительных пилюль. Вечером загляну, тогда мне все и расскажешь. Пока!

– По-ка... – разочарованно произнес спартаковский фанат.

Он взял дрожащими пальцами две сигареты, одну из которых заложил за оттопыренное ухо, а вторую сразу же прикурил. В этот момент в конце аллеи показался старший лейтенант Сафронов. Забродов первым заметил стража порядка, однако не стал дожидаться милиционера, а махнул на прощание рукой Говоркову и побежал мелкой рысцой к выходу из парка...

Глава 5. Долгожданный звонок

Уже через десять минут Забродов был дома и с удовольствием принял холодный душ. Провозившись еще минут десять, Забродов привел себя в порядок, набросил черный махровый халат на голое тело и, освеженный и довольный собой, вышел из ванной комнаты.

– Эх, и жизнь хороша и жить хорошо, – воскликнул инструктор спецназа ГРУ и направился на кухню, чтобы приготовить себе завтрак из бекона и яиц.

Готовя еду, седовласый хозяин квартиры чутко прислушивался к телефону, который должен был с минуты на минуту подать долгожданный сигнал. Однако время шло, а телефонный аппарат молчал.

– Что за чертовщина! – недовольно проворчал мужчина и, расправив широкие плечи, посмотрел на будильник, стоявший на холодильнике «Саратов». – Пора бы тебе уже и позвонить, дружок...

Однако, хотя стрелки на будильнике уже показывали начало девятого, красный телефонный аппарат молчал. Зато на тефлоновой сковородке аппетитно скворчала яичница с беконом и беспокойно и призывно свистел электрочайник. Илларион Константинович выключил газовую конфорку, потом чайник.

– Ишь, расшумелся, носатый, – раздраженно проворчал седовласый хозяин квартиры, – мне только этого и не хватало.

Чайник промолчал, и Забродов, заварив в кружке чай, выложил на тарелку яичницу с беконом. Ковырнув разок-другой вилкой содержимое тарелки, мужчина отставил еду и потянулся к кружке с чаем.

– Может быть, что-нибудь случилось? – обеспокоенно прошептал он.

Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, Илларион Константинович решил еще раз прокрутить в уме предстоящий распорядок дня. Дел было много, но самым главным мероприятием сегодняшнего дня было празднование дня рождения его друга – художника Константина Гуреева. Сие мероприятие должно было состояться вечером в мастерской Гуреева на проспекте Мира.

– Так... – вздохнул седовласый полковник ГРУ в отставке. – И что же мы подарим ему на день рождения?

Забродов почесал затылок.

– Книги я ему уже дарил, – вспомнил он, – краски и кисти тоже...

Немного подумав, Илларион Константинович решил преподнести в подарок товарищу кортик в ножнах, который достался ему в качестве трофея в ходе одной из спецопераций во время военной службы.

– Да! – решительно произнес полковник ГРУ в отставке. – Думаю, что Костянычу понравится этот подарок.

Илларион Константинович закурил и, подойдя к окну, открыл форточку. В его голове вдруг всплыло приглашение Ивана Павловца, хорошего знакомого, тоже художника-реставратора, встретиться сегодня днем в музее на выставке.

– Да... – пробормотал инструктор спецназа ГРУ, – если ничего непредвиденного не случится, можно сходить в музей и прикоснуться к прекрасному и вечному.

Однако прежде всего ему, полноправному хозяину московской квартиры, необходимо было заскочить в ЖЭС и разобраться с бухгалтерией относительно допущенных ею произвольных начислений в полученной жировке.

– Так, Илларион Константинович, – помешивая ложечкой чай в кружке, задумчиво прошептал отставной полковник ГРУ, – основные жизненные вехи понятны...

Забродов бросил взгляд на будильник и понял, что звонка уже не будет: стрелки часов приближались к цифре «девять».

– Значит, не судьба! – грустно вздохнул он и резко встал из-за стола. – Теперь бы не опоздать в ЖЭС, пока они все там не разбежались по разным инстанциям.

Вымыв посуду, пенсионер переоделся в синие джинсы, черную рубашку и, обув кроссовки, снял с вешалки светлую куртку из плащевой ткани. Неожиданно затрезвонил телефон.

– Твою мать! – непроизвольно вырвалось у Забродова. – Ну, наконец-то!

* * *

Мужчина, присев на тумбу, приложил телефонную трубку к уху. В ней послышался треск, но через несколько секунд треск сменил нежный женский голос, от которого у Забродова вдруг екнуло сердце, а по телу пробежала дрожь.

– Але...

Илларион Константинович, проглотив нечто похожее на застрявший кусок в горле, глубоко вздохнул и тихо выдавил:

– Слушаю...

– Илларион? – настороженно спросил приятный женский голос.

– Я, Маргарита.

– Ларик! – весело и громко воскликнула Маргарита. – Здравствуй, дорогой!

У Забродова учащенно забилось сердце, он откашлялся и ответил:

– Ну, здравствуй, милая! Что так поздно? Я уже начал волноваться, не случилось ли чего?

– А что могло случиться, Илларион? – спросила молодая женщина.

– Да всякое... – уклончиво ответил отставной полковник ГРУ и, помолчав, тут же перевел разговор на другую тему: – Ну, ладно об этом. Когда тебя встречать?

На связи возникло небольшое замешательство.

– Не слышу, Рита? – не дождавшись ответа, нетерпеливо повторил вопрос Илларион Константинович. – Когда тебя ждать? Ты уже купила билет в Москву?

Женщина вздохнула и ответила:

– Нет, еще не купила...

На симпатичном лице отставного полковника ГРУ моментально отразилась обида.

– Почему?

Маргарита смущенно и негромко кашлянула в телефонную трубку.

– Извини, Илларион, – призналась она, – но у меня не получится приехать к тебе на эти выходные дни в Москву.

– Рита, но почему? – спросил Забродов. – Мы же, кажется, обо всем договорились с тобой, дорогая...

– Да, Илларион Константинович, договорились, – не очень уверенно согласилась женщина, – но, понимаешь ли, возникли определенные сложности, из-за которых я не могу выехать из Самары.

Седовласому кавалеру не понравилась приставка к его имени, и он насторожился.

– Сложности? – повторил Забродов.

– Да так, – уклончиво отвечала собеседница, – ничего особенного. Просто не получается... Ты ведь тоже несколько раз обещал приехать и не приехал.

На это обвинение седовласый пенсионер ничего не смог возразить, а только растерянно почесал затылок и спросил:

– Так когда мы с тобой увидимся?

– Не знаю, Илларион, – ответила Маргарита, – я позвоню.

– Ладно, Рита, – вздохнул инструктор спецназа и сказал: – Звони...

– Хорошо, – ответила женщина и добавила: – Извини, Илларион, мне жаль, что так получилось. Пока!

– Всего хорошего, Маргарита... – тихо прошептал мужчина, анализируя странный разговор с любимой женщиной.

Он встал с тумбы, достал пачку сигарет и закурил, глубоко и часто затягиваясь дымом.

«Нет, не может быть! – постарался разубедить себя седовласый мужчина. – Рита не такая! Если бы у нее кто-нибудь появился, то она непременно бы мне сказала!»

Забродов забыл о том, что ему нужно было спешить в ЖЭС, пока его работники не разбежались по своим делам. Впрочем, ему в этот момент было глубоко наплевать на мелочи жизни, ведь решалась его судьба.

«Нет, скорее всего, что-то случилось! – решил Илларион Константинович и тут же задал себе вопрос: – Но что именно случилось?»

Он затушил сигарету в пепельнице и тут же закурил новую.

«А может быть, это все дамские штучки? – мелькнуло у него в голове. – Она же намекнула мне на то, что я не смог несколько раз приехать в Самару, а вот теперь решила проучить меня, чтобы я почувствовал, каково это ждать и остаться с носом!»

Забродов рассмеялся.

«Ну, точно, – облегченно вздохнул он, – этакая маленькая женская хитрость!»

Забродов тряхнул головой, чтобы выбросить из нее тревожные мысли, и решил все же сходить в ЖЭС. Однако и на сей раз, когда Илларион собрался покинуть свои апартаменты, прозвенел телефонный звонок.

– Рита? – непроизвольно вырвалось у Забродова, и мужчина поспешно подошел к аппарату и снял телефонную трубку. – Але! Я слушаю!

В телефонной трубке раздался взволнованный мужской голос:

– Ларик! Это ты?

Забродов огорченно вздохнул. Звонил его приятель Иван Павловец.

– Я, Ваня, я, – ответил он. – Что у тебя с голосом?

– Ничего особенного.

– А чем ты так возбужден?

На связи повисла короткая пауза.

– Ларик, нужно срочно встретиться! – озабоченно воскликнул художник и, не дождав-
шись ответа, спросил: – Ты слышишь меня, Забродов?

– Слышу.

– Так что?

Илларион Константинович нахмурился: ему после неудачного разговора с Маргаритой не хотелось ни с кем встречаться.

– А что случилось? – поинтересовался он.

– Да тут такое творится, Ларик! – воскликнул художник-реставратор. – Такое...

– Что именно, Ваня?

– Ларик, это не телефонный разговор! – сообщил собеседник. – Давай встретимся, я тебе все расскажу, объясню, и мы решим, что делать.

– Ладно, Ваня, уговорил! – без особого энтузиазма согласился Забродов и поинтересовался: – Ты ведь сегодня будешь на дне рождения у Кости Гуреева?

– Буду.

– Ну вот, там в мастерской встретимся и поговорим, – предложил Илларион Константинович.

– Нет, Ларик, – возразил реставратор, – давай встретимся сейчас в музее на выставке.

Илларион Константинович недовольно поморщился и спросил:

– Что за срочность такая?

– Приезжай, на месте все объясню, – упрямо ответил Павловец. – Приедешь?
Забродов протяжно вздохнул, однако отказать не смог.

– Ладно, приеду, – пообещал он.

– Спасибо, Ларик, – облегченно выдохнул художник-реставратор. – Жду!

На том разговор и закончился. Илларион Константинович положил трубку на телефонный аппарат и бросил взгляд на часы. Стрелки часов показывали без пятнадцати десять.

– Опоздал, черт тебя подери! – недовольно пробурчал Забродов. – Придется завтра плестись в домоуправление!

Однако, немного подумав, он все же решил сходить в ЖЭС. Вернее будет сказать, что целью его вояжа в местную хозяйственную контору была уже не столько разборка с жировкой и остальными проблемными моментами, сколько желание привести свои разбежавшиеся мысли в порядок.

– Да, господин пенсионер, – пробурчал себе под нос седовласый полковник ГРУ в отставке, – пора тебе пройтись и подышать свежим воздухом...

Перебросив через плечо светлую куртку, Забродов открыл дверь и вышел из квартиры...

* * *

Весеннее солнце хоть еще и невысоко взошло над городом, но уже начинало припекать. Особенно ясно это чувствовал дворник Ахмет, который монотонно шаркал метлой по тротуару. Иногда он останавливался, чтобы поздороваться с кем-нибудь из жильцов, проходящих мимо него, или для того, чтобы смахнуть рукавом выступившую испарину на морщинистом лбу.

– Фу! Ну и парилка... – тяжело вздохнул татарин.

Из подъезда вышел седовласый отставной полковник и, заметив дворника, направился к нему.

– Ахмет, у вас каждый день разнарядка в девять часов? – спросил Забродов.

– Обычно оно так и случается, Илларион Константинович, – сказал Ахмет, – но не всегда.

– А председатель ЖЭСа сегодня принимает? – поинтересовался пенсионер.

Татарин неуверенно пожал плечами и склонил голову набок.

– А кто его знает, Илларион Константинович, он же начальник. Может, и принимает, а может быть, куда-нибудь возьмет и отлучится.

– Понятно, Ахмет, – произнес пенсионер, – спасибо за информацию.

– Не за что, Илларион Константинович, – ответил Ахмет и поинтересовался: – Так ты в ЖЭС?

– Да, нужно заскочить туда и решить некоторые проблемы.

– Удачи тебе!

– Спасибо, Ахмет, – сухо ответил Забродов.

Татарин грустно причмокнул губами и, уткнувшись взглядом в землю, снова стал мести тротуар, а пенсионер направился в конец двора, где находился арочный проход.

Там Забродов неожиданно столкнулся с возбужденным Говорковым, который едва не сбил соседа с ног.

– Петрович, ты куда это летишь сломя голову? – недовольно проворчал полковник.

– Извини, Илларион Константинович, – скороговоркой произнес спартаковский болельщик, – задумался. – И тут же с жаром сообщил: – Ты знаешь, Илларион, там такие дела закрутились с этим покойником...

– И какие же? – не сбавляя хода, сухо произнес Забродов.

– Да разные, Константинович, – семена мелкими шажками, татараторил Иосиф. – Но главное – непонятно, отчего он ласты склеил: то ли сердце не выдержало, то ли...

– То ли? – усмехнулся Илларион.

– Он художник, – сообщил Говорков, – Варенцов Вениамин Александрович.

Илларион Константинович на мгновение замедлил ход и повернул голову в сторону спартаковца:

– Художник?

– Он самый! – подтвердил новоявленный сыщик. – Крупный и весьма известный в творческих кругах мастер живописи! А живет этот Варенцов где-то здесь...

Забродов, хоть и был вхож в круг художников, все же не был знатоком, а посему фамилия Варенцов ничего ему не сказала. Однако в сознании инструктора спецназа ГРУ мелькнула смутная картинка, и он подумал, что, возможно, видел этого человека на какой-то художественной выставке или вечеринке.

– Жил, Петрович, – поправил пенсионер разговарившегося соседа.

– Точно, товарищ полковник, – признал свою ошибку спартаковец. – Однако все это мелочи! После того как ты ушел, народу собралось в парке тьма! А этот старлей все меня пытается, как да что... Дотошный, сукин сын!

Отставной полковник ГРУ тряхнул головой, понимая, что сейчас начнется пустое изливание Говорковым досужих и бредовых предположений.

– Понятно, – кивнул пенсионер. – Я сейчас спешу, Петрович, а потом, когда вернусь, мы с тобой это обсудим.

– Договорились, Илларион Константинович! Как освободишься, жду тебя!

Забродов тряхнул головой:

– Заметано, Петрович! Как только освобожусь, так сразу и поговорим!

– Понял! Жду! – сбавляя ход, произнес спартаковец и, повысив голос, бросил вдогонку: – Кстати, следователь дал мне свою визитку. Чтобы, если мы с тобой что интересное нароем, сообщили ему.

– Непременно! – заверил соседа пенсионер и уверенной поступью направился вдоль зеленого сквера к домоуправлению.

Говорков растерянно посмотрел ему вслед и недоуменно почесал затылок, соображая, что же пообещал ему полковник ГРУ в отставке: то ли непременно сообщить нечто следователю, то ли непременно встретиться с Говорковым, то ли...

– Твою мать! – сочно сплюнув на асфальт, негромко и незлобиво выругался он. – Вот и пойми этих интеллигентов...

Впрочем, через мгновение Иосиф Петрович уже переключился на разгадку убийства пожилого художника, а в том, что это было убийство, он ни на мгновение не сомневался...

Глава 6. Странные намеки

Забродов недовольно покачал головой: возле музея было припарковано шикарных ино-марок и персональных автомобилей с мигалками более чем предостаточно. Пенсионер припарковал свой черный бьюик чуть поодаль от здания музея.

– Интересно, что тут за праздник? – окинув взглядом скопление автомобилей возле музея, пробормотал инструктор спецназа Главного разведывательного управления. – Куда это меня заманил Ванька и чего ему так срочно понадобилось от меня?

Забродов направился в музей, однако на входе полковника остановили крепкие ребята.

– Простите, гражданин, – вежливо, но сухо произнес широкоплечий парень, – предъявите свой пригласительный билет.

– Мужики, да я тут к приятелю... – смущенно произнес посетитель.

– Извините, сегодня вход только по пригласительным билетам, – последовал ответ. – А с другом вы можете встретиться после двенадцати.

– Ребята, а с каких это пор такие предосторожности при входе на обыкновенную выставку? – поинтересовался Забродов.

Второй охранник, смерив скептическим взглядом Забродова, усмехнулся.

– В том-то и дело, мужик, – сказал он, – что сегодня до двенадцати часов выставка обыкновенная, да посетители на ней не совсем обыкновенные.

– Спасибо за разъяснение, дорогой товарищ, – язвительно поблагодарил инструктор спецназа ГРУ охранника, – приму к сведению.

Он достал из кармана мобильный аппарат и набрал номер телефона человека, который пригласил его на эту тусовку.

– Але... – раздался голос Ивана Павловца. – Кто это?

– Тот, кого ты приглашал к себе в гости на выставку, – усмехнулся Забродов.

– Илларион?!

– Он самый, Ваня, – подтвердил седовласый пенсионер.

– Ты где?

– На входе, – сообщил Забродов.

– Так чего ты там топчешься, – недовольно и даже с некоторыми нотками раздражения в голосе воскликнул Павловец, – давай проходи в зал.

Илларион Константинович в свою очередь недовольно фыркнул и произнес:

– Ваня, мне нужно не твое устное приглашение, а официальный пригласительный билет!

– О, черт! – зло воскликнул реставратор. – Совсем забыл! Извини, Ларик, я сейчас спущусь.

– Ладно.

– Только никуда не уходи! – встревоженно попросил художник.

– Не беспокойся, – успокоил инструктор спецназа ГРУ, – не для того я перся через весь город, чтобы лишь пообщаться с тобой по телефону у входа в музей.

– Извини, Ларик, – пробасил художник, – я уже бегу...

– Ладно... Жду!

Илларион, пообещав собеседнику обождать его, отключил сотовый аппарат и положил его в карман куртки.

– Илларион! – раздался радостный голос Ивана Павловца.

Полковник ГРУ в отставке, услышав свое имя, обернулся и увидел, как его приятель спускается по лестнице, размахивая пригласительным билетом.

Поравнявшись с охранниками, художник развернул пригласительный билет.

– Этот человек со мной, – показав пальцем на Забродова, произнес художник-реставратор.

Охранники, нахмурившись, кивнули.

– Пошли, Илларион, – сказал Павловец, – мне нужно тебе кое-что рассказать.

– Я слушаю...

Художник-реставратор испуганно осмотрелся по сторонам.

– Не сейчас, Илларион, – возразил он, – и не здесь!

Забродов посмотрел на приятеля, озабоченно нахмутив брови. Полковнику не нравились загадки, а Иван их начал задавать ему уже с самого утра.

* * *

Посетителей в залах музея было немного, что, впрочем, не удивило Забродова, так как выставка для всеобщего обозрения начинала работать только с двенадцати часов. Однако, бросив взгляд по сторонам, Илларион Константинович отметил, что здесь собрались не столько ценители высокого искусства, сколько высокопоставленные чиновники, крутые бизнесмены, а возможно, и теневые толстосумы...

– Знатная публика тут у вас, Ваня, – тихо прошептал инструктор спецназа ГРУ товарищу, чувствуя на себе пристальные взгляды крепких парней, по всей видимости телохранителей элитных посетителей художественной выставки.

– Сливки, Константинович, – коротко ответил реставратор Забродову.

– Я это уже понял, Ваня, – кивнул седовласый пенсионер и ухмыльнулся. – Тут, братишка, похоже, воровской сходняк.

– Тише, Ларик, – сконфузившись, прошептал реставратор. – Тут тусуются и художники, и чиновники из Министерства культуры... – Павловец кивнул в сторону лысого крупного мужчины в сером костюме с галстуком. – Да и сам министр тут бродит!

Илларион Константинович уважительно повел бровью. Однако его внимание привлек не министр культуры, а пожилой, с большими залысинами человек неброской внешности с воинской выправкой. Как показалось инструктору спецназа ГРУ, он узнал его, хотя прошло немало времени с последней их встречи.

– Понятно...

Подойдя к небольшим размерам картине, висевшей на стене у входа, Забродов посмотрел на полотно: там была нарисована то ли женщина, то ли плакучая ива, то ли некое мистическое существо.

– Сюрреализм? – неуверенно поинтересовался полковник ГРУ в отставке. – Или какое-то новое веяние в искусстве?

– Фуфло, – небрежно ответил художник-реставратор.

– А как фамилия этого гениального художника? – спросил Забродов.

– Не помню, Илларион, – честно признался художник, – то ли Тюпкин, то ли Люпкин, то ли еще как-то в этом роде... А... – вдруг вспомнил он. – Аташинго!

Реставратор указал кивком в угол выставочного зала, где невысокий чернявый парень, прилежно размахивая руками, что-то рассказывал молодым симпатичным дамам с длинными от бедра ногами.

– Вот оно, это восточное дарование, – сообщил художник-реставратор.

– Фамилия соответствует содержанию, – слегка усмехнувшись, согласился Забродов.

– Да черт с ним! – сказал Павловец. – Я тебя не для того сюда пригласил.

– Это я уже понял, – с усмешкой произнес седовласый пенсионер.

Павловец шагнул к Забродову и, слегка поднявшись на носки, сказал:

– Давай-ка пройдем в другой зал, и я тебе кое-что покажу.

– Такое? – кивнув в сторону висевших на стене картин, тихо произнес седовласый полковник ГРУ. – Или нечто получше?

– Похлеще, Ларик! – заявил художник.

Инструктор спецназа ГРУ пристально посмотрел на светловолосого приятеля.

– Хорошо... – озадаченно произнес он. – Только я чего-то не пойму, куда ты клонишь? Какие-то намеки, словно в плохом романе.

– А вот мы спустимся в подвал ко мне в реставраторскую мастерскую, и тебе все станет ясно, – сказал Павловец. – Тут такое творится, такое...

Полковник ГРУ в отставке недовольно посмотрел на своего возбужденного приятеля и слегка скривился: ему надоели все эти недомолвки.

– Ну и какое? – не выдержав, потребовал ответа он.

– Недавно, Илларион, я заметил нечто странное, что происходит с нашими картинами, – тихо произнес художник-реставратор, – и обратился к Варенцову...

Илларион Константинович внимательно посмотрел на Павловца: ему вдруг показалось, что он уже слышал где-то эту фамилию, однако в данный момент не мог вспомнить где.

– К кому ты обратился? – с интересом переспросил он.

– К Варенцову Вениамину Александровичу, – повторил светловолосый художник, – это наш директор музея. Между прочим, очень порядочный и честный человек!

– Понял...

Художник откашлялся и, оглядевшись по сторонам, взял под руку Забродова.

– Так вот, я ему рассказал о творящихся в нашем музее безобразиях, – продолжал он, – и мы с ним решили пойти к министру культуры.

Илларион покачал головой и непроизвольно бросил взгляд на лысоголового министра культуры, который с жаром обсуждал какой-то вопрос с Аташинго.

– А где же твой директор? – поинтересовался полковник.

– А черт его знает! – пожав узкими плечами, недовольно прошептал художник. – Должен быть на работе еще с самого утра, а его, видишь, нет как нет! Я ему, пню старому, и на мобильник уже десять раз звонил – не отвечает.

– А может быть, запил твой директор? – спросил пенсионер. – Лежит где-нибудь на топчане и потягивает пиво...

Художник-реставратор решительно мотнул головой:

– Не может быть!

– Да ладно тебе, Ваня, – улыбнулся Забродов, – знаю я вашего брата!

– Нет.

– Что «нет»? Сам-то ты давно завязал с зеленым змием?..

– Это – я, – смущенно, но уверенно возразил работник музея, – а это – он! Он вообще не пьет, Илларион Константинович, не курит и даже мяса не ест!

Последние слова Павловца прозвучали уже в другом зале – российского изобразительного искусства, где, кроме смотрительницы и нескольких посетителей, никого не было. Приятель остановился у картины с натюрмортом. Забродов, посмотрев на дичь, изображенную на полотне, добродушно усмехнулся:

– Вегетарианец?

– Представь себе, да, – ответил Иван. – И еще он спортом занимается!

Илларион вдруг наморщил лоб:

– Спортсмен?

– Да... – ответил Павловец и указал на картину известного художника Гагарина. – Вот, Илларион Константинович, полюбуйся!

Забродов посмотрел на картину.

– Отличная работа, – с восхищением произнес он, – сразу видно – мастер писал!

– Вот именно, мастер! – раздраженно хмыкнул Иван Павловец.

Забродов еще раз внимательно посмотрел на картину и отметил про себя, что она отлично отреставрирована.

– И что тебя не устраивает? – полюбопытствовал он. – Мне кажется, Ваня, что эта прекрасная работа достойна только восхищения...

– Так в том, Ларик, и вся загвоздка! – воскликнул художник-реставратор. – Люди восхищаются и даже не подозревают, как их обольванивают! Даже Варенцов, уж на что прекрасный профессионал, и тот не сразу понял...

Чего не понял директор музея, полковник в отставке не дослушал: в его сознании вдруг кое-что прояснилось.

– Точно! – кивнул Забродов в ответ своим мыслям. – Варенцов Вениамин Александрович!

Иван недоуменно посмотрел на седовласого товарища, который витал где-то в облаках и, осторожно дернув его за рукав куртки, поинтересовался:

– Ты чего, Илларион?

– Варенцову на вид лет под шестьдесят? – вопросом на вопрос ответил полковник.

– На вид где-то так, – удивленно подтвердил художник, – хотя он намного старше.

– А на подбородке у него вот такой небольшой шрам, – уверенно сказал отставной офицер военной разведки, проводя указательным пальцем по нижней части своего лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.